
А. Б. Шлуинский

ВНЕ РЕАЛИСА И ИРРЕАЛИСА: СЕМАНТИЧЕСКИ «НЕМАРКИРОВАННЫЕ» ГЛАГОЛЬНЫЕ ФОРМЫ

В статье обсуждаются так называемые семантически «немаркированные» глагольные формы, «наследующие» реальное / ирреальное значение у других, «опорных», форм. Демонстрируется связь между «наследованием» ирреальных значений и тождеством коммуникативных статусов пропозиций с «наследующей» и «опорной» формой. Помимо реальной и ирреальной семантических зон, постулируется семантическая зона, не специфицированная по реальности / ирреальности. Кроме «наследующих» форм к ней принадлежат формы, являющиеся синтаксической вершиной сентенциальных актантов при некоторых предикатах. В этом случае реальное / ирреальное значение «наследуется» у вершинного глагола.

Можно назвать распространенным представление о том, что все семантические грамматические значения глагола принадлежат к одной из двух семантических зон: либо к семантической зоне реалиса, либо к семантической зоне ирреалиса (см., например, Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 236—240). Это, в свою очередь, предполагает разделение глагольных форм на «реальные» и «ирреальные». Задача настоящей работы состоит в том, чтобы «предъявить» грамматической теории те случаи, когда глагольная форма не может быть однозначно охарактеризована как «реальная» или «ирреальная», поскольку способна описывать ситуацию, как имеющую, так и не имеющую место в действительности, и, таким образом, «не маркирована» по этому семантическому признаку.

1. Семантически «немаркированные» глагольные формы

Семантически «немаркированной», или «неспецифицированной», формой мы называем форму, с которой не соотносится конкретное грамматическое значение той или иной грамматической категории.

В примерах (1a-b) из удмуртского языка представлена «соединительная» деепричастная форма на *-са*, получающая значение финитной глагольной формы, расположенной справа от нее; в случае (1a) это значение презенса, а в случае (1b) — перфектива.

Удмуртский¹

- (1) a. иван лыкты-са сиськ-е
Иван прийти-CONV есть-PRES:3SG
'Иван приходит и ест.'
- b. иван лыкты-са сиськ-и-з
Иван прийти-CONV есть-PFV:3SG
'Иван пришел и поел.'

Мы будем говорить, что форма *лыктыса* в примере (1a) «наследует» значение презенса у «опорной» формы *сиське*, а в примере (1b) — значение перфектива у «опорной» формы *сиськиз*. Очевидно, что для того, чтобы происходило такого рода «наследование», форма *лыктыса* должна сама по себе «наследуемых» значений не выражать, а быть по ним «неспецифицированной». Грамматическую категорию, которая в данном языке может «наследоваться», можно описать как признак с определенным набором значений. «Наследующая» форма, в отличие от остальных, не выражает никакой граммы этой категории, то есть ей не присвоено никакое из значений этого признака. Тогда данную форму естественно считать семантически «немаркированной».

Описание того или иного лингвистического объекта как обладающего некоторым набором признаков прежде всего появилось в фонологии: при любой трактовке понятия фонемы предполагается, что она обладает некоторым набором признаков. Мы здесь, в целях экономии места, не будем рассматривать всю историю описания фонемы как набора признаков и укажем лишь на новейшую работу Ewen, van der Hulst 2001. В этой работе особое внимание уделено такому существенному для признаковой модели явлению, как «неспецифицированность» (underspecification) какого-либо объекта (в фонологии — фонемы). «... маркированное значение признака в явном виде специфицировано, тогда как немаркированное значение в фонологическом представлении

¹ Примеры, не имеющие ссылок на источник, получены от информантов. Материал татарского и чувашского языков собран в ходе экспедиций филологического факультета МГУ при поддержке гранта РГНФ № 01-04-18029е.

отсутствует и заполняется в ходе построения поверхностного фонетического представления» (Ewen, van der Hulst 2001: 65).

Подобный принцип описания может быть перенесен и на грамматическую семантику и морфологию, причем различными способами, хотя общее понимание маркированности и спецификации при этом всегда сохраняется. Ср. понимание маркированности в морфологии, сформулированное в Andrews 1990: «Маркированность означает обязательное присутствие некоторого элемента, в то время как немаркированность означает, что элемент может присутствовать или не присутствовать — форма по нему просто не специфицирована» (Andrews 1990: 14).

В формальной морфологии понятие маркированности является вполне устоявшимся: немаркированной считается форма с показателем или набором показателей, который короче или проще показателя или набора показателей, использующихся для образования других форм². Если же речь идет о семантической «маркированности» или «немаркированности» той или иной формы, то семантически «немаркированной», или «неспецифицированной», формой можно считать ту форму, с которой не соотносится конкретная граммема той или иной грамматической категории и которая, в зависимости от условий употребления, может выражать значения разных граммем, то есть получать различные грамматические признаки³. В частности, «немаркированная» форма может «наследовать» у «опорной» грамматические признаки, то есть находится в сфере действия грамматических категорий «опорной» формы, как это продемонстрировано выше в примере (1).

2. «Наследование» грамматических значений

Удмуртское деепричастие на *-са*, представленное в примере (1), представляет собой наиболее частый тип «наследующих» грамматические значения глагольных форм. Для конструкций с подобными дее-

² Подробный разбор понятия морфологической маркированности и соотношения морфологической маркированности с семантической см. в работах Mayerthaler 1981, Eckman, Moravcsik, Wirth 1986, Andrews 1990.

³ Ср. также рассуждение о «неглобальном характере» словоизменительной категории в Мельчук 1997: 252—253: «обязательность» грамматического значения вовсе не требует его выражения в каждой форме данного лексического класса.

причастными формами в англоязычной литературе используется термин «нанизывание предикаций» («clause-chaining») ⁴, а в традиции, идущей от Новосибирской лингвистической школы, — термин «алтайское сочинение». Однако в языках мира засвидетельствованы и «наследующие» формы, не похожие по своим свойствам на деепричастия.

С точки зрения линейного расположения «наследующей» формы слева или справа от «опорной» различаются так называемое «левонаправленное vs. правонаправленное нанизывание предикаций» («anterior vs. posterior clause-chaining») (Stassen 1985: 88). С синтаксической точки зрения рассматриваемые конструкции занимают промежуточное положение между сочинительными и подчинительными (см. об этом работы Johannessen 1998, Lehmann 1988; о существующих синтаксических тестах для разграничения сочинения и подчинения, часто дающих в случае конструкций с «наследованием» «промежуточный» результат, см. Казенин, Тестелец 1999: 332—335, Culicover, Jackendoff 1997 и Haspelmath 1995).

Все «наследующие» формы с некоторой долей условности разделяются на три группы. Во-первых, это так называемые «неспецифицированные формы» — финитные глагольные формы, имеющие помимо тех употреблений, где они «наследуют» грамматические свойства соседних форм, широкий круг употреблений в независимом предложении. Во-вторых, это формы, по своим свойствам похожие на инфинитив. В-третьих, это различные деепричастные (в широком смысле слова, ср. van der Auwera 1998) формы.

«Неспецифицированные времена» могут быть охарактеризованы следующим образом: это глагольные формы, имеющие, помимо употреблений в конструкциях с «наследованием» глагольных категорий, также широкий круг употреблений в независимом предложении с различными интерпретациями. В качестве примеров можно привести так называемый инъюнктив ведийского языка и «неспецифицированную форму» языка маори.

Ведийский инъюнктив «наследует» значения времени ((2)—(3)) и модальные значения ((4)—(6)):

⁴ Представляется, что этот термин следует использовать в расширительном значении — для всех конструкций с единственным выражением грамматических значений на цепочку глагольных форм.

Ведийский

- (2) agnih sapti-m̄ dada-ti...
 Агни конь-ACC давать:IPFV-3SG...
 agni saḡa-t
 Агни двигаться:UNSPEC:IPFV-3SG
 ‘Агни правит конем⁵... Агни проходит [через две половины все-
 ленной].’ (Hoffmann 1967:120); (Kiparsky 1968: 37) (Ригведа X,
 80, 1)⁶
- (3) agni a-pasa-t... indra piba-t
 Агни PST-готовить:IPFV-3SG... Индра пить:UNSPEC:IPFV-3SG
 ‘Агни варил... Индра пил.’ (Kiparsky 1968: 38) (Ригведа V, 29, 7)
- (4) kada: antar bhuv-a-ni...
 когда внутри быть-CONJ-1SG...
 kada: m̄ḷi:ka-m̄ khyā-m
 когда расположение-ACC видеть:UNSPEC:IPFV-1SG
 ‘Когда я окажусь внутри... когда я увижу снисхождение?’
 (Hoffmann 1967: 246) (Ригведа VII, 86, 2)
- (5) piba... sada-ḥ
 пить:IMP:2SG... сидеть:UNSPEC:IPFV-2SG
 ‘Пей... садись.’ (Kiparsky 1968: 37) (Ригведа VIII, 17, 1)
- (6) no heti: v̄j-ya:t
 мы:ACC удар миновать-OPT-3SG
 ...durmatī mahī: ga-t
 ...немильность большой идти:UNSPEC:IPFV-3SG
 ‘Да минует нас выстрел... да обойдет великая немильность.’
 (Kiparsky 1968: 38) (Ригведа II, 33, 14)

Помимо конструкций с «наследованием» грамматических значе-
 ний, ведийский инъюнктив также имеет независимые употребления
 ((7)—(8)) и употребляется с прохибитивной частицей для выражения
 запрета (9):

⁵ Или: ‘Агни дарит коня...’

⁶ Перевод ведийских примеров сверен с переводом «Ригведы» Т. Я. Елиза-
 ренковой (Ригведа 1989, 1995, 1999). Однако в ряде случаев мы от него отключа-
 емся.

- (7) kuma:ro na sarpa-d
мальчик как ползти:UNSPEC:IPFV-3SG
‘Он [все дальше], словно мальчик, заползает... <речь идет о непрерывном действии мифологического персонажа>.’ (Hoffmann 1967: 119) (Ригведа X, 79, 3)
- (8) prá voca-m
вперед говорить:UNSPEC:PFV-1SG
Я провозглашаю [героические деяния Вишну].’ (Hoffmann 1967: 251) (Ригведа I, 154, 1).
- (9) ma: no ni ka-ḥ
ПРОН МЫ:ACC вниз делать:UNSPEC:PFV-2SG
‘Не унижь нас.’ (Hoffmann 1967: 54) (Ригведа III, 33, 8)

«Неспецифицированная форма» маори «наследует» все глагольные грамматические значения этого языка; приведем только некоторые примеры:

Маори

- (10) ko parewhete i piki ki runga
NAME Паревхете PST лезть на верх
ki te tuanui ka ora
на ART:SG крыша UNSPEC прятаться
‘Паревхете залез на крышу и спрятался.’ (Harlow 1989: 206)
- (11) Ø rākaī i a kōua ka whanatu
IMP украшать OBJ ART вы:DU UNSPEC идти
‘Украсьте себя и идите.’ (Harlow 1989: 202)
- (12) te whakaaro me haere rāua ...
ART:SG план DEB идти они:DU ...
ka muru i ngā hua
UNSPEC красть OBJ ART:PL фрукт
‘план, что они должны пойти и украсть фрукты.’ (Harlow 1989: 203)
- (13) koe kia murua te kiri
ты DESID тереть:PASS ART:SG кожа
ka titi i te kura ki te māhunga
UNSPEC клеить OBJ ART:SG кура на ART:SG голова
‘Ты хотел бы натереть свою кожу и украсить голову курой.’ (Harlow 1989: 204)

- (14) ki te tae koe ā ka haere ngā
 COND COND приходить ты и UNSPEC идти ART:PL
 kōrero me noho koe tiaki
 разговор DEB оставаться ты ждать
 ‘Если ты придешь и будет идти разговор, останься и подожди.’
 (Harlow 1989: 205)

Кроме того, эта форма имеет независимые употребления ((15)—

- (16)) и употребляется в аподосисе условных конструкций (17):

- (15) ka tapa au i tana ingoa ko Hata
 UNSPEC называть я OBJ этот ребенок NAME Хата
 ‘Я нарекаю этого ребенка Хата’ (Ö. Dahl, p.c.)

- (16) ka haere tātou
 UNSPEC идти мы:INC
 ‘Пойдемте!’ (Harlow 1989: 209)

- (17) mehemea ki te whakatoī koe ki te ngeru,
 если COND COND дразнить ты OBJ ART кошка
 ka mīao
 UNSPEC мяукать
 ‘Если ты будешь дразнить кошку, она замякует’ (Ö. Dahl, p.c.)

«Наследующие» инфинитивы, помимо употребления в конструкциях с «наследованием», имеют свойства, которые принято считать инфинитивными⁷: оформляют сентенциальный актанта глаголов желания и обстоятельственные предложения цели⁸; одна из рассматриваемых нами форм требует также обязательной кореферентности субъектов при «наследующей» и «опорной» формах. Ярким примером инфинитива, способного «наследовать» грамматические значения «опор-

⁷ Отметим, однако, что понятие инфинитива среди прочих нефинитных глагольных форм имеет самый «расплывчатый» и самый «сомнительный» статус. Обсуждение существующих критериев определения глагольной формы как инфинитива см. в недавней работе Ильевская, Калинина 2002.

⁸ Значение цели является, очевидно, очень близким к значению следующего по времени или даже одновременного действия, которое мы видим в конструкциях с «наследованием». Подробнее об этой семантической связи см. Stassen 1985: 72.

ной» формы, является инфинитив языка бамана. К этой же группе форм, по-видимому, следует отнести и форму так называемого «пустого времени» SU⁹ языка хауса.

Инфинитив бамана употребляется в конструкциях с «наследованием» при совпадении его субъекта с субъектом «опорной» формы:

Бамана

- (18) a. Fatumata fúfú-lá kà déñ sòrò
Фатумата жениться-PFV INF ребенок получать
‘Фатумата вышла замуж и родила ребенка.’
- b. Fatumata, fúfú kà déñ sòrò
Фатумата жениться:IMP INF ребенок получать
‘Фатумата, выходи замуж и рожай ребенка.’

Помимо таких конструкций, он оформляет обстоятельственные предложения цели (19) и сентенциальные актанты ((20)—(21)):

- (19) n̄ y’ í wélé kà n̄ cě, fàgà
я PFV ты звать INF я муж убивать
‘Я тебя позвала убить моего мужа.’ (Dumestre 1987: 439)
- (20) Seidu bέ à fε kà kàlàn ké
Сейду PRES это к INF учение делать
‘Сейду хочет учиться.’
- (21) Zan bέ sé kà táá só
Зан PRES мочь INF идти дом
‘Зан может идти домой.’

«Пустое время» SU в языке хауса имеет лично-числовую парадигму, а потому не требует кореферентности субъектов при «наследующей» и «опорной» формах, но в целом ведет себя сходным образом: употребляется в конструкциях с «наследованием» ((22)—(23)), оформляет обстоятельственные предложения цели (24) и сентенциальные актанты ((25)—(26)):

⁹ В хаусанистике принята номинация глагольной формы по показателю 3-го лица множественного числа. Показатель «пустого времени» сочетается с формой, которую называют именем действия.

Хауса

- (22) na kan zauna, in karatu-n littafi
1SG HABIT сидеть INF:1SG читать-NMN книга
in saurari-n kade-kade
INF:1SG слушать-NMN музыка
'Я обычно сижу, читаю книгу, слушаю музыку.' (Ю. Г. Суетина, р.с.)
- (23) tafi ka ba ni wuri
идти:IMP INF:2SG:M давать я место
'Отойди и дай мне место.' (Щеглов 1970: 63)
- (24) na tafi banki in sami kudi
RES:1SG идти банк INF:1SG получать:NMN деньги
'Я пошел в банк, чтобы получить деньги.' (Ю. Г. Суетина, р.с.)
- (25) ina so ku tafi gida
IPFV:1SG хотеть INF:2PL идти:NMN дом
'Я хочу, чтобы вы пошли домой.' (Ю. Г. Суетина, р.с.)
- (26) na yi alkawari in zo
RES:1SG делать обещание INF:1SG приходить:NMN
'Я обещал прийти.' (Щеглов 1970: 162)

Помимо этого, «пустое время» в хауса употребляется и в независимых предложениях с модальным значением побуждения:

- (27) ya kawo mini kaya-n-sa
INF:3SG:M приносить:NMN я:DAT ноша-POSS-3SG:M
'Пусть он принесет мне свои чемоданы.' (Щеглов 1970: 63)

«Наследующие» деепричастия представляют собой, безусловно, наиболее обширную группу. «Наследуют» грамматические значения «контекстные деепричастия»¹⁰ финно-угорских (ср. примеры (28)—(30) из староторьяльского диалекта марийского языка, а также приведенные выше удмуртские примеры (1a-b)) и тюркских (ср. примеры (31)—(33) из мишарского диалекта татарского языка) языков:

¹⁰ Термин принадлежит В. П. Недалкову (Nedjalkov 1995). Хотелось бы отметить, однако, что предлагаемое этим исследователем противопоставление «контекстных» и «нарративных» (то есть употребляющихся в нарративном дискурсе) деепричастий не вполне удачно: очень часто деепричастие может употребляться как при описании последовательных, так и одновременных ситуаций, ср. примеры (35)—(36).

Марийский

- (28) jəvan šinč-en kočk-o
Иван сидеть-CONV есть-PST:3SG
'Иван сидел и ел.'
- (29) tudo tol-ən koč-šo
он приходить-CONV есть-JUSS
'Пусть он придет и поест.'
- (30) məj kočk-ən jü-n-em
я есть-CONV пить-DESID-1SG
'Я хочу есть и пить.'

Татарский

- (31) rišat kil-ep aša-r
Ришат приходить-CONV есть-POT
'Ришат придет и поест.'
- (32) kil-ep aša-sən
приходить-CONV есть-JUSS
'Пусть он придет и поест.'
- (33) alma aša-p kit-i-m
яблоко есть-CONV уходить-NORT-1SG
'Съем-ка я яблоко и уйду-ка.'

В группу «наследующих» деепричастий попадают и прочие «со-чинительные» деепричастия; приведем примеры из корейского (34) и юкагирского ((35)—(36)) языков:

Корейский

- (34) mun-yl tak-ko onŏr-a
дверь-ACC закрывать-CONV возвращаться-IMP
'Закрой дверь и приходи сюда.' (Холодович 1954: 152)

Юкагирский

- (35) šaqale tamun-gele lej-t qodo:-j
лиса это-ACC есть-IPFV:SS лежать-3SG:INTR
'Лиса лежала и ела это.' (Maslova 2003: 265)

- (36) tet legul aŋs'i:-t ejre-k
ты еда искать-IPFV:SS ходить-IMP:2SG
'Иди и поищи еды.' (Maslova 2003: 114)

Немного особняком среди «наследующих» деепричастий стоят так называемые «медиальные глаголы»¹¹, то есть формы, отличающиеся от «стандартных» деепричастий, во-первых, наличием лично-числовой парадигмы, а во-вторых, тем, что конструкции с ними всегда проявляют свойства синтаксического сочинения. «Медиальные глаголы», располагающиеся слева от своей «опорной» формы, представлены в папуасских языках; приведем пример из языка хуа:

Хуа

- (37) mni evri-ro-ka bade mi-o
вода приносить-PFV-MED:2SG мальчик давать-IMP
'Принеси воды и дай мальчику.' (Haiman 1985: 151)

Сходные деепричастия, но располагающиеся справа от «опорной» формы, есть во многих африканских языках, в частности в языках банту. Приведем примеры «консективных» форм языка масаи ((38)—(39)) и языка суахили ((40)—(41)):

Масаи

- (38) k-a-iput emoti n-a-pik enkima
POT-1SG-наполнять котел CONS-1SG-ставит'огонь
'Я наполню котел и поставлю [его] на огонь.' (Tucker, Mraayeŋi 1955: 61)

¹¹ Термин «медиальный глагол» («medial verb») изначально употреблялся при описании папуасских языков применительно к глагольным формам особого типа. Эти формы линейно предшествуют финитной глагольной форме, выражающей значения времени и наклонения, и описывают события, одновременные или предшествующие событиям, названным этой формой. Для аналогичных форм (правда, линейно следующих за финитной формой и описывающих события, одновременные или следующие за событиями, названными ею) в африканистике (изначально в бантуистике) принято использовать предложенный Л. Хайманом термин «консектив» (Haiman 1971). В современной типологии, как правило, термин «медиальный глагол» не привязан к какой-то группе языков и обозначает все «сочинительные» деепричастия с лично-числовой парадигмой.

- (39) i-mput-a emoti n-i-pik enkima
2SG-наполнять-IMP котел CONS-2SG-ставить огонь
'Наполни котел и поставь [его] на огонь.' (Tucker, Mraayeŋ 1955: 61).

Суахили

- (40) рака hu-kamata panya a-ka-wa-la
кошка НАВИТ-хватать мышь:PL CL-CONS-CL-есть
'Кошка обычно ловит мышей и ест их.' (Громова, Охотина 1995: 234)

- (41) m-si-ingie m-witu-ni, m-ka-kuta-na
2PL-NEG-входить:IMP:PL CL-лес-LOC 2PL-CONS-встречать-REC
na m-nyama m-buai
с CL-зверь CL-хищный
'Не входите в лес и не встречайтесь с хищным зверем.' (Loogman 1965: 386)

Все рассмотренные «наследующие» формы, несмотря на их разнообразие, имеют функциональное сходство: все они служат для того, чтобы показатель грамматического значения (или значений) был представлен в цепочке глагольных форм один раз и при этом вся цепочка выражала это значение. Это позволяет рассматривать их как единое множество «наследующих» форм, несмотря на то, что это единство никак не означает тождества этих форм с точки зрения глагольной системы в целом.

3. «Наследование» модальных значений и коммуникативный статус

Хотелось бы подробнее остановиться на семантических особенностях полипредикативной конструкции с «наследующими» формами. В рассматриваемых конструкциях, несмотря на морфологическое неравноправие «наследующей» и «опорной» форм, обе эти формы и, как следствие, обе возглавляемые ими предикации, равно важны для говорящего, то есть семантически конструкция является сочинительной. Необходимым для такой «равнозначности» двух предикаций является тождество коммуникативных статусов обозначаемых ими пропозиций.

Понятие коммуникативного статуса (в терминологии работы Падучева 1985 — «денотативного статуса») пропозиции, по-видимому, не имеет точного определения. Как указано в Падучева 1996: 243, различаются ассертивный, пресуппозитивный, имплицативный, нейтральный, атрибутивный коммуникативные статусы и другие; закрытого списка коммуникативных статусов на данный момент не существует.

Не претендуя на подробный разбор всей проблематики, связанной с понятием коммуникативного статуса, и обзор всей обширной литературы по этой теме, напомним лишь основные свойства тех коммуникативных статусов, которые будут для нас важны. Прежде всего различаются пресуппозитивный и ассертивный компоненты семантики предложения, соответствующие пресуппозитивному и ассертивному статусам входящих в это предложение пропозиций¹². Как известно, пропозиции, имеющие пресуппозитивный статус, отличаются от пропозиций, имеющих ассертивный статус, тем, что они не входят в сферу действия оператора отрицания и модальных операторов, то есть операторов ирреальных значений. Сравним предложение (42a) с предложениями (42b), в которое включен оператор отрицания, и (42c), в которое включен модальный оператор желания говорящего:

- (42) a. Вася знает, что Маша уехала.
b. Вася не знает, что Маша уехала.
c. Я хочу, чтобы Вася знал, что Маша уехала.

Очевидным образом, сентенциальный актант при глаголе *знать* в сферу действия этих операторов не входит, сохраняя свою строгую истинность, и имеет тем самым пресуппозитивный коммуникативный статус. А пропозиция 'Вася знает' входит в сферу действия этих операторов и тем самым является в (42a) ассерцией.

Среди прочих коммуникативных статусов для нас наиболее существенную роль играет атрибутивный статус пропозиции, подробно описанный в Богуславский 1985: 30—32. Если в семантику некоторого предложения входит два компонента, один из которых основной, а другой — дополнительный, то последний является атрибутом первого и имеет атрибутивный коммуникативный статус. Примером предложения,

¹² Обратим, однако, особое внимание на то, что распространенное представление о том, что предложение делится на пресуппозицию и ассерцию «без остатка», оказывается неверным. Ср. Богуславский 1985: 29—30.

в семантике которого содержится, согласно работе Падучева 1996, пропозиция с атрибутивным статусом, может служить предложение (43а):

- (43) а. Елка касается потолка. (Падучева 1996: 243)
б. Елка не касается потолка. (Падучева 1996: 244)

В семантику предложения (43а) входит основной, ассертивный, компонент 'елка находится в контакте с потолком' и дополнительный, атрибутивный, компонент 'контакт слабый'. Если ассерция в примере (43б) входит, как и положено, в сферу действия оператора отрицания, то атрибут туда не входит, но, в отличие от пресуппозиции, не сохраняет истинность, «а лишается смысла и пропадает» (Падучева 1996: 244)¹³.

Разумеется, иметь атрибутивный статус может и пропозиция, выраженная при помощи отдельной предикации. Средством оформления такой предикации оказывается имеющий пониженную «дискурсивную значимость» деэпричастный оборот:

- (44) а. Вася читает лежа.
б. [?]Вася не читает лежа.

В примере (44а) пропозиция 'Вася лежит' имеет как атрибутивный коммуникативный статус, так и пониженную «дискурсивную значимость». Что же касается примера (44б), то такая его интерпретация, чтобы в сферу действия оператора отрицания попадал исходный ассертивный компонент, то есть чтобы было ложно 'Вася читает', по-видимому, сомнительна. Возможна его интерпретация как 'Вася читает не лежа', то есть оператор отрицания синтаксически поднимается, а семантически имеет в качестве сферы действия атрибутивный компонент 'Вася лежит'. Выходит, что при отрицании ассертивного компонента атрибутивный компонент также теряет смысл, и предложение, в котором он выражен, оказывается неправильным.

Таким образом, пониженная «значимость» некоторой предикации и, как следствие, редукция ее морфологического оформления являются отражением такого семантического свойства соответствующей пропозиции, как атрибутивный коммуникативный статус.

Необходимо также сделать замечание о том, что две равноправные, то есть семантически сочиненные, пропозиции всегда имеют равный

¹³ Отметим при этом, что речь здесь идет об основной тенденции, проявляющейся в нейтральном контексте: от контрастивных контекстов типа *Елка не касается потолка, она в него упирается* мы здесь отвлекаемся.

коммуникативный статус. Если эти две пропозиции и соответствующие им предикации ничему не подчинены, то статус является асертивным. Тогда в конструкции с «наследованием» грамматических категорий коммуникативный статус пропозиции, выражаемой предикацией с «наследующей» формой, и коммуникативный статус пропозиции, выражаемой предикацией с «опорной» формой, должны совпадать. Таким образом, между асертивным статусом пропозиции, выражаемой предикацией с «наследующей» глагольной формой, и собственно способностью этой формы «наследовать» грамматические категории «опорной» формы (причем в первую очередь относящиеся к ирреалису) обнаруживается взаимосвязь.

Рассмотрим примеры с чувашским (низовой диалект) «наследующим» деепричастием:

Чувашский

- (45) a. vaš^lš^la jaška ši-se čej iš-es-šën
 Вася суп есть-CONV чай пить-FUT-DESID
 ‘Вася хочет есть суп и пить чай.’
- b. vaš^lš^la jaška ši-se čej iš-et^l
 Вася суп есть-CONV чай пить-PRES:3SG
 ‘Вася ест суп и пьет чай.’
- c. vaš^lš^la jaška ši-sen čej iš-es-šën
 Вася суп есть-CONV:COND чай пить-FUT-DESID
 ‘Вася, съев суп, хочет пить чай.’

«Наследующее» деепричастие, представленное в примере (45a), «наследует» грамматическое значение дезидератива. При этом на семантическом уровне предложению (45a) соответствует модальный оператор желания первого участника описываемых ситуаций, в сферу действия которого входят две пропозиции: ‘Вася ест суп’ и ‘Вася пьет чай’. То, что деепричастие *šise* входит в сферу действия оператора модальности желания, подтверждается тем, что его коммуникативный статус в предложении (45b) является асертивным. С другой стороны, асертивный статус пропозиции ‘Вася ест суп’ в предложении (45b) вынуждает ее, по определению, входить в сферу действия оператора желания в предложении (45a) и тем самым «наследовать» грамматическое значение дезидератива, которое, в свою очередь, является одной из граммем категории модальности, присущей чувашскому глаголу.

Сравним теперь предложение (45a) с предложением (45c). В предложении (45c) вместо «наследующего» деепричастия *šise* стоит деепричастная форма *šisen*, имеющая в данном случае обстоятельственное значение предшествования¹⁴. Пропозиция, выражаемая обстоятельственным предложением времени, как правило, имеет пресуппозитивный коммуникативный статус и, следовательно, не должна входить в сферу действия оператора отрицания, а также модальных операторов. Как и ожидается, в примере (45c) пропозиция ‘Вася ест суп’ не входит в сферу действия оператора желания, а сохраняет значение истины, то есть является пресуппозицией.

Сходным образом ведут себя «наследующие» формы и с оператором отрицания, взаимодействие с которым считается основным тестом для определения коммуникативного статуса пропозиции. Способность «наследовать» категорию отрицания оказывается, как и способность наследовать категории наклонения и модальности, одним из свойств подобных деепричастных форм. При этом «наследование» отрицания оказывается сопряженным с «наследованием» наклонения или модальности: «наследующее» деепричастие рассматриваемого типа либо «наследует» обе эти категории, либо не «наследует» ни одну из них. Рассмотрим следующий чувашский пример:

- (46) jaška šī-se čej an iš
суп есть-CONV чай PRON пить:IMP
a. ‘Не ешь суп и не пей чай.’
b. ≈ ‘Когда ешь суп, не пей чай.’
*‘Ешь суп и не пей чай.’
*‘Когда не ешь суп, не пей чай.’

- (47) jaška šī-se čej iše-t-ěñ
суп есть-CONV чай пить-PRES-2SG
‘Ты ешь суп и пьешь чай.’

В примере (46) «наследующее» деепричастие *šise* помещено в контекст отрицательного императива *an iš*. Оказывается, что предложение

¹⁴ Вторым значением этого деепричастия является обстоятельственное значение условия; в этом случае пропозиция, обозначаемая им, будет иметь нейтральный коммуникативный статус, не придающий пропозиции вообще никакого истинностного значения, ср. *Если Маиша придет, Петя обрадуется.* — *Если Маиша придет, Петя не обрадуется.*

(46) имеет два значения. Значение (46а) появляется в том случае, когда форма *šise* «наследует» и значение императива, и значение отрицания; таким образом, пропозиция ‘Ты ешь’ входит в сферу действия как оператора отрицания, так и модального оператора, то есть в предложении (47) имеет ассертивный коммуникативный статус. Значение (46b) возникает, когда деепричастие не наследует ни одного из этих значений, а обозначаемая им пропозиция не входит ни в сферу действия оператора отрицания, ни в сферу действия модального оператора и является, следовательно, пресуппозицией. Тогда коммуникативный статус пропозиции ‘Ты ешь’ в предложении (47) оказывается двояким и мы вынуждены для него, как и для предложения (46), постулировать два значения.

Таким образом, способность некоторой формы «наследовать» семантические глагольные значения объясняется равным коммуникативным статусом пропозиции, обозначаемой этой формой, и пропозиции, обозначаемой «опорной» формой, что, в свою очередь, коррелирует с семантическим равноправием этих двух пропозиций, то есть с сочинением на семантическом уровне. Кроме того, интересующее нас «наследование» ирреальных значений непосредственно вытекает из тождества коммуникативных статусов: ирреальные категории оказываются теми семантическими операторами, воздействие которых на пропозицию определяется ее коммуникативным статусом.

4. «Немаркированность» по реальности / ирреальности как особая семантическая зона

Итак, «наследующие» глагольные формы получают реальную или ирреальную интерпретацию в зависимости от интерпретации своей «опорной» формы и сами по себе не «маркированы» по этой категории. Возникает естественный вопрос: единственный ли это случай, когда предикация и возглавляющая ее глагольная форма «не маркированы» с точки зрения реальности / ирреальности? По-видимому, возможны и другие контексты, где реальность / ирреальность предикации зависит от реальности / ирреальности другой предикации. Рассмотрим простой русский пример:

- (48) а. Вася начал читать книгу.
 б. Вася не начал читать книгу.

В (48a) предикация ‘Вася начал X’ реальна, в силу чего реальна и предикация ‘Вася читает книгу’, тогда как в (48b), в контексте ирреальной предикации ‘Вася не начал X’, та же предикация ‘Вася читает книгу’ оказывается ирреальной. Таким образом, предикация, являющаяся синтаксическим актантом фазового глагола, реальна или ирреальна в зависимости от реальности / ирреальности предикации с самим фазовым глаголом.

Интересно, что засвидетельствовано совмещение в одной глагольной форме функции «наследующей» глагольной формы и функции оформления синтаксического актанта фазового глагола. Выше были приведены примеры (45a, b) и (35)–(36) с «наследующими» деепричастиями чувашского и юкагирского языков; ниже демонстрируется употребление тех же форм с фазовыми глаголами:

Чувашский

- (49) хег š'ngu š'ng-sa pëter-č-ě
девушка письмо писать-CONV кончать-PFV-3SG
‘Девушка кончила писать письмо.’

Юкагирский

- (50) lebejdi: šaqal'e-šu-t čemie-či:l'i
ягоды собираться-CAUS-IPFV:SS оканчивать-PFV:1PL:INTR
‘Мы окончили собирать ягоды.’ (Maslova 2003: 288)

Это значит, что можно постулировать цельную семантическую зону «немаркированных» с точки зрения реальности / ирреальности форм. Помимо синтаксических актантов фазовых глаголов, к этой зоне можно отнести и синтаксические актанты некоторых других предикатов, таких как ‘осмелиться’, ‘догадаться (сделать что-л.)’, ‘приходится (сделать что-л.)’, ‘удосужиться’ и т. п.:

- (51) a. Вася осмелился об этом спросить.
 b. Вася не осмелился об этом спросить.
(52) a. Вася догадался позвонить.
 b. Вася не догадался позвонить.
(53) a. Васе приходилось общаться с иностранцами.
 b. Вася не приходилось общаться с иностранцами.

- (54) a. Вася удосужился сделать задание.
b. Вася не удосужился сделать задание.

По-видимому, при более детальном исследовании семантики сентенциальных актантов этот список может быть продолжен.

Рассмотренная семантическая зона имеет связи и с «маркированными» ирреальными значениями. Важнейшие из них — это зависимое ирреальное значение цели, смежное с функцией «наследования» (ср. пример (18) из бамана и (55), юкагирские примеры (35) и (56)), и «маркированные» ирреальные сентенциальные актанты (ср. приведенный выше пример (20) из бамана и пример (57) из масаи):

Бамана

- (55) Seidu, táá kà dàràkâ dún
Сейду идти INF завтрак есть
'Сейду, иди завтракать.'

Юкагирский

- (56) tet uõr-pe-gele čarčaqan-die alme-njin
твой ребенок-PL-ACC Чарчакан-DIM шаман-DAT
legi-te-m albo:-t
есть-CAUS-3SG:TR спастись-IPFV:SS
'Чарчакан отдал шаману на съедение твоих детей, чтобы спастись [самому].' (Maslova 2003: 272)

Масаи

- (57) e-nyog n-i-grag
3SG-следует CONS-2SG-ложиться
'Тебе следует лечь.' (Tucker, Mraayei 1955: 61)

* * *

Таким образом, помимо реальной и ирреальной семантических зон, существует семантическая зона, не специфицированная по реальности / ирреальности. Входящие в нее элементы «наследуют» реальное / ирреальное значение «опорного» или вершинного предиката. Возможно, сходная «немаркированная» семантическая зона существует и для других распространенных семантических оппозиций.

Условные обозначения

1, 2, 3	1-е, 2-е, 3-е лицо	M	мужской род (класс)
ACC	аккузатив	MED	медиальный глагол
ART	артикл	NAME	показатель имени
CAUS	каузатив		собственного
CL	показатель	NEG	отрицание
	согласовательного класса	NMN	имя действия (масдар)
COND	кондиционалис (условное	OBJ	объектная форма
	наклонение)	OPT	оптатив
CONJ	конъюнктив	PASS	пассив
CONS	консекутив	PFV	перфектив
CONV	деепричастие (конверб)	PL	множественное число
DAT	датив	POSS	посессивность
DEB	дебитив	POT	потенциалис
DESID	дезидератив	PRES	настоящее время
DIM	диминутив	PROH	прохибитив
DU	двойственное число	PST	прошедшее время
HABIT	хабитуалис	REC	реципрок
HORT	горгатив	RES	результатив
IMP	императив	SG	единственное число
INC	инклюзивное местоимение	SS	same-subject (показатель
INF	инфинитив		корелферентности субъектов
INTR	непереходность		двух предикаций)
IPFV	имперфектив	TR	переходность
JUSS	юссив	UNSPEC	«неспецифицированная»
LOC	локатив		форма

Литература

- Богуславский И. М. 1985. *Исследования по синтаксической семантике: сферы действия логических слов*. М.: Наука.
- Громова Н. В., Охотина Н. В. 1995. *Теоретическая грамматика языка суахили*. М.: Наследие.
- Ильевская А. А., Калинина Е. Ю. 2002. Типологические критерии инфинитива: существуют ли они? // Т. Б. Агранат, О.А. Казакевич (сост.). *Лингвистический беспредел*. Сб. статей к 70-летию А. И. Кузнецовой. М.: МГУ, 241—261.
- Казенин К. И., Тестелец Я. Г. 1999. Структура составляющих // А. Е. Кибрик (ред.). *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: Наследие, 314—346.

- Мельчук И. А. 1997. *Курс общей морфологии*. Т. I. М.: Прогресс, ЯРК — Wien: Wiener slawistischer Almanach.
- Падучева Е. В. 1985. *Высказывание и его соотнесенность с действительностью*. М.: Наука.
- Падучева Е. В. 1996. *Семантические исследования*. М.: ЯРК.
- Ригведа*. 1989, 1995, 1999. Тт. 1—3. Пер. и ред. Т. Я. Елизаренковой. М.: Наука.
- Холодович А. А. 1954. *Очерк грамматики корейского языка*. М.
- Щеглов Ю. К. 1970. *Очерк грамматики языка хауса*. М.: Наука.
- Andrews E. 1990. *Markedness Theory*. Durham: Duke University Press.
- Bybee J. Perkins R. Pagliuca W. 1994. *The Evolution of Grammar. Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Culicover P. W., Jackendoff R. 1997. Semantic subordination despite syntactic coordination // *Linguistic Inquiry* 28 (2), 195—218.
- Dumestre G. 1987. *Le Bambara du Mali: Essais de description linguistique*. Université de la Sorbonne Nouvelle, Paris III.
- Eckman F. R., Moravcsik E. A., Wirth J. R. (eds.). 1986. *Markedness*. N. Y.: Plenum.
- Ewen C. J., Van der Hulst H. 2001. *The Phonological Structure of Words*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Haiman J. 1985. *Hua: a Papuan Language of New Guinea*. Amsterdam: Benjamins.
- Harlow R. 1989. Ka: The Maori injunctive // R. Harlow, R. Hooper (eds.). *VICAL 1. Oceanic Languages. Papers from the Fifth International Conference in Austronesian Linguistics*. Auckland: Linguistic Society of New Zealand.
- Haspelmath M. 1995. The converb as a cross-linguistically valid category // M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1—55.
- Hoffmann K. 1967. *Der Injunktiv im Veda*. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- Hyman L. M. 1971. Consecutivization in Fe'fe' // *Journal of African Languages* 10 (2), 29—43.
- Johannessen J. B. 1998. *Coordination*. N. Y.: Oxford University Press.
- Kiparsky P. 1968. Tense and mood in Indo-European syntax // *Foundations of Language* 4, 30—57.
- Lehmann Ch. 1988. Towards a typology of clause linkage // J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). *Clause Combining in Grammar and Discourse*. Amsterdam: Benjamins, 181—225.
- Loogram A. 1965. *Swahili Grammar and Syntax*. Pittsburgh: Duquesne University Press.
- Maslova E. 2003. *A grammar of Kolyma Yukaghir*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Mayerthaler W. 1981. *Morphologische Natürlichkeit*. Wiesbaden: Athenaion.

- Nedjalkov V. P. 1995. Some typological parameters of converbs // M. Haspelmath, E. König (eds.). *Converbs in Cross-Linguistic Perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Stassen L. 1985. *Comparison and Universal Grammar*. Oxford: Blackwell.
- Tucker A. N., Mpaayei J. Tompo Ole. 1955. *A Maasai Grammar*. London: Longmans.
- van der Auwera J. 1998. Defining converbs // L. Kulikov, H. Vater (eds). *Typology of Verbal Categories. Papers Presented to Vladimir Nedjalkov on the Occasion of his 70th Birthday*. Tübingen: Niemeyer, 273—282.